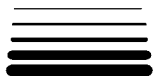




ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ



Когнитивные исследования



СОВРЕМЕННЫЕ НЕРЕДУКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Макгинн, Нагель, Чалмерс*

Н.М. ГАРНЦЕВА

В современной западной философии сознания важное значение имеет противоборство между сторонниками редуктивного объяснения сознания и критиками такого объяснения. Стоит отметить, что в ней долгое время господствовали физикалистские концепции, приверженцы которых пытались применить методы естественных наук к решению психофизической проблемы¹ и редуцировать сознание к мозгу. Однако начиная с 70-х гг. прошлого века этот подход стал подвергаться критике на том основании, что редуктивное объяснение упускает нечто важное, а именно: уникальный субъективный характер сознательного опыта.

Оппоненты физикалистов отстаивают реальность субъективных качественных состояний (квалиа), и потому их не без иронии называют «квалиафилами». В отличие от сторонников редуктивных теорий, ищущих их обоснование в реальных научных экспериментах, «квалиафилы» применяют аргументы, апеллирующие к интуиции и мысленным экспериментам. Эти аргументы носят преимущественно критический характер и направлены на то, чтобы продемонстрировать неадекватность физикалистских теорий сознания. Вместе с тем за авторами, разработавшими эти аргументы, так или иначе закрепилась репутация именно критиков редуктивных теорий, а не оригинальных мыслителей, способных предложить позитивные проекты решения психофизической проблемы. Сами «квалиафилы» осознают острую необходимость в выдвижении таких проектов. «Кажется ясным, — пишет Томас Нагель, — что следствие из антиредукционистских аргументов против материализма не может всегда оставаться чисто негативным. Даже если доминирование материалистического натурализма близится к своему завершению, нам нужна некая идея того, что могло бы его заменить. Одна из причин, которая стимулирует различные редукционистские программы относительно сознания, ценности и

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Информационный подход к проблеме “сознание и мозг”: методология расшифровки нейродинамических кодов», грант № 11-06-00133а.

значения, несмотря на свойственную им неправдоподобность, состоит в отсутствии какой-либо исчерпывающей альтернативы².

В предлагаемой статье я проведу анализ взглядов трех авторитетных мыслителей — Колина Макгинна, Томаса Нагеля и Дэвида Чалмерса. Все эти авторы исходят из нередуктивной интерпретации сознания и хорошо знакомы с теоретическими разработками друг друга. Вместе с тем нет достаточных оснований утверждать, что они образуют некий альянс, поскольку наряду с определенной близостью их концепций, между ними есть и заметная разница. В своем исследовании подходов интересующих меня авторов я постараюсь отразить современный этап развития их взглядов на психофизическую проблему и уделю особое внимание монографиям и статьям, которые они опубликовали сравнительно недавно.

Подходом к проблеме «сознание-тело», который будет рассмотрен в первую очередь, является «новое мистерианство» Колина Макгинна, американского философа британского происхождения. Термин «новое мистерианство» был введен в 1991 г. Оуэном Фланаганом³ для характеристики современных ему философских концепций, в которых особо подчеркивались загадочность и непостижимость соотношения сознания и мозга. Помимо Макгинна, к числу «новых мистерианцев» Фланаган относил и Томаса Нагеля, которого считал основателем этого философского кружка. Впоследствии Фланаган причислил к «мистерианцам» также Дэвида Чалмерса и Джозефа Левина⁴. В своих работах все названные философы подчеркивают загадочность сознания. Однако в отличие от Макгинна, который считает проблему «сознание-тело» в принципе неразрешимой, остальные философы уверены, что хотя правдоподобное решение этой проблемы пока еще не найдено, решить ее в конце концов удастся. Поэтому в строгом смысле слова «мистерианцем» является один лишь Макгинн.

Макгинн — крайне плодовитый автор, занимающийся широким кругом проблем прикладного характера, но особую известность ему принесла его на шумевшая статья «Можем ли мы решить проблему «сознание-тело»?», которая вышла в свет в 1989 г. Сам Макгинн признает, что его интерес к психофизической проблеме зародился благодаря чтению работ Томаса Нагеля. Другим философом, идеи которого оказали на Макгинна существенное влияние, был Ноам Хомский. Макгинн разделяет модульную теорию сознания, пунктирно намеченную Хомским и со временем ставшую преобладающей в когнитивных науках. Смысл этой теории заключается в том, что сознание — продукт эволюции, и оно состоит из большого числа специализированных модулей, отождествляемых с различными способностями (способностями к освоению языка, к пространственному мышлению и т.п.). Макгинн придерживается точки зрения, согласно которой в ходе эволюции сложилось так, что у человека попросту отсутствует модуль, который позволил бы ему решить проблему «сознание-тело», хотя сама по себе эта проблема проста и могла бы быть решена разумными существами, чья эволюционная история была бы другой.

Для Макгинна так же, как и для Нагеля, связь между сознанием и мозгом является не случайной, а строго необходимой. Эту связь обе-

спечивает некое свойство, которое философ условно обозначает как свойство *P*. Оно не есть ни физическое свойство мозга, ни феноменологическое свойство сознания, его природа представляет собой нечто среднее. Макгинн настаивает на том, что мы когнитивно закрыты по отношению к *P*, т.е. никоим образом не можем постичь это свойство. Его аргументация в пользу этого тезиса такова: сознание мы постигаем с помощью интроспекции, т.е. изнутри, а мозг мы познаем с помощью перцепции, как бы снаружи. Мы можем воспользоваться новейшей аппаратурой и внимательно следить за активностью нейронов нашего мозга. Мы даже можем сделать серьезное усилие и попытаться сопоставить эту активность со своими внутренними переживаниями, однако ни интроспекция, ни перцепция не позволяют нам уловить то ключевое свойство *P*, благодаря которому мозг является материальным субстратом сознания. Чтобы постичь это свойство, нам нужно было бы обладать некоей третьей способностью, отличной от двух вышеназванных, т.е. от интроспекции и перцепции. Но, к сожалению, когнитивное строение людей не предполагает наличия такой способности. Как следствие этого, свойство *P*, если воспользоваться терминологией Канта, оказывается для нас «ноуменальным». Нет смысла надеяться на то, что будущие научные революции и смена парадигм позволят нам совершить радикальный прорыв к решению психофизической проблемы. Макгинн уверен: «...чтобы решить проблему “сознание-тело” нам потребуется нечто большее, чем смена парадигм; нам потребуется стать другими когнитивными существами»⁶.

Экстравагантная теория «нового мистерианца» изначально была оценена с нескрываемым скептицизмом и на протяжении ряда лет оставалась маргинальной. Однако со временем «мистерианство» приобрело немало сторонников, и его стали все чаще принимать в расчет. Но и критики, и даже сторонники Макгинна сходятся во мнении о том, что его теория не опирается на развернутую систему аргументации, в чем отдает себе отчет и сам Макгинн. Во введении к сборнику статей «Сознание и его объекты» он признает: «...едва ли можно сказать, что я продемонстрировал корректность мистерианства»⁷. Впрочем, по верному наблюдению последователя Макгинна Марка Роулэндса, философ считал приоритетными иные цели: «...цель аргументов состоит не столько в том, чтобы убедить оппонента мистерианской позиции в ошибочности его образа мыслей, сколько в том, чтобы показать человеку, долго бившемуся над этой проблемой (проблемой «сознание-тело». — Н. Г.), почему она столь неподатлива... В этом смысле аргумент является не дедуктивным, а паллиативным»⁸. Действительно, Макгинн предлагает нам пойти на полумеры: не тратить свои силы на решение нерешаемой психофизической проблемы, а смириться с тем, что она находится за пределами нашего понимания (это, по мысли философа, должно избавить нас от интеллектуального дискомфорта и мучительных бесплодных поисков). Однако, по моему мнению, подход Макгинна является формой квиетизма, и еще рано считать борьбу проигранной. В связи с этим достаточно обоснованной представляется критика Макгинна Дэниелом Деннетом⁹. По словам Деннета, Макгинн явно недооцени-

вает возможности современной науки, что связано с недостатком его компетентности в этой сфере. Если бы Макгинн взял на себя труд внимательно изучить экспериментальные данные из области когнитивных и нейронаук, он бы не был столь пессимистичен в своих оценках относительно возможности решения проблемы «сознание-тело».

В последнее время мистерианские мотивы в философском творчестве Макгинна только усилились. Если раньше, помимо психофизической проблемы, он считал таинственными проблемы свободы воли, истины, значения и самости, то теперь он убежден, что даже физика, служащая для большинства мыслителей эталоном научности, изобилует тайнами. При этом Макгинн подразумевает не только квантовую теорию, но и классическую физику. Эволюция взглядов Макгинна получила отражение в его новом произведении «Базовые структуры реальности: очерки по мета-физике»¹⁰, один из разделов которого озаглавлен «Сознание как форма материи». Как пишет в этом разделе Макгинн, «сознание — это временная форма, каковую, наряду с другими формами, приняла всеобъемлющая материя/энергия»¹¹. Саму материю Макгинн понимает предельно широко — как некую базовую субстанцию, из которой все состоит. В своей основе эта субстанция едина, что не мешает ей проявляться в великом множестве форм — таких, как, например, индивидуальные сознания, нейроны мозга, электромагнитные поля, протоны, электроны и т.п. Собственную онтологическую позицию Макгинн характеризует как монизм субстанции и плюрализм форм. В качестве своих предшественников он называет Спинозу и Аристотеля. Вместе с тем, он дистанцируется от панпсихизма, эмерджентизма и теории тождества ментального и физического. В отличие от теории тождества, позиция Макгинна не предполагает редукцию сознания к мозгу, поскольку сознание трактуется философом как одна специфическая форма материи, а мозг — как другая. Впрочем, Макгинн признает, что все его теоретические построения не более, чем гипотезы, и он ничего не может сказать ни о природе материи, ни о том, каким образом материя может принимать форму сознания. Философ убежден, что не только он, но и все люди вообще когнитивно закрыты в отношении этих вопросов.

Хотя взгляды Колина Макгинна во многом совпадают со взглядами Томаса Нагеля, последние, вместе с тем, отличаются от первых куда большим оптимизмом в вопросе о возможности решения психофизической проблемы. Начиная с 70-х гг. прошлого века, Нагель раз за разом подвергал жесткой критике материалистический редукционизм. В настоящее время полемика Нагеля с современным материалистическими теориями стала еще более бескомпромиссной, о чем свидетельствует название его последней монографии «Сознание и космос: почему материалистическое неодарвинистское понимание природы практически наверняка является ошибочным»¹². При этом и трактовка Нагелем психофизической проблемы приобретает невиданную до сих пор широту. С первых страниц книги Нагель решительно утверждает: «...проблема “сознание-тело” не является лишь частной проблемой, касающейся отношения между сознанием, мозгом и поведением в организмах живых

существ, но она распространяется на наше понимание космоса и его истории в целом»¹³.

Нагель без обиняков заявляет, что теория эволюции неадекватна, поскольку описывает возникновение сознания в живых существах как некий побочный продукт случайного процесса или удивительную аномалию, принижая тем самым значение сознания. Нагель же намерен вернуть сознанию чрезвычайно важную роль в становлении космоса. Решить эту задачу он собирается весьма неожиданным образом — посредством реабилитации телеологии. По его мнению, сознание — не просто случайно возникший феномен, оно было изначально присуще мировому порядку и существовало в некоей потенциальной форме еще до того, как появились первые живые существа. При этом переход сознания в актуальную форму не был обусловлен случайным стечением обстоятельств, а произошел по необходимости — в соответствии с законами природы. Отнюдь не второстепенным является тот факт, что природа, с одной стороны, порождает наделенных сознанием существ, а, с другой — она прекрасно приспособлена для того, чтобы быть постижимой разумом этих существ. Нагель уверен в том, что адекватная теория мироздания, оставаясь натуралистической, должна отвести понятию сознания такое же почетное место, какое ныне занимают понятия материи, пространства и времени.

Нагель понимает, что он не в состоянии в одиночку создать такую теорию, однако он считает себя вправе наметить ее общие контуры. Будущая теория должна быть монистической, но не редуктивной, и она призвана сделать отношения между сознанием и мозгом абсолютно прозрачными. Современные концепции, по мнению Нагеля, не удовлетворяют критерию прозрачности. Именно поэтому вокруг проблемы «сознание-тело» до сих пор ведутся ожесточенные дискуссии, и философы никак не могут прийти к согласию. Достаточно подробно о своем проекте теории сознания Нагель писал в статье «Психофизическая связь»¹⁴. Первым шагом на пути реализации этого проекта должен стать пересмотр самого понятия сознания: следует обогатить это понятие новыми коннотациями, которые отражали бы необходимую связь между ментальным и физическим.

Симптомом неадекватности современного понятия сознания является возможность логически непротиворечиво мыслить как философских зомби, выступающих физическими и функциональными двойниками людей, не обладающими сознательным опытом, так и существ, которым присуще полноценное сознание, реализованное однако не в нейронах мозга, а в кремниевых чипах¹⁵. Обновленное понятие сознания должно исключить саму возможность мыслить таких существ, которая будет восприниматься как логическое противоречие. Естественно, пересмотр понятия сознания предполагает переосмысление базовых онтологических установок.

Рассуждения Нагеля по поводу формы будущей теории сознания носят весьма умозрительный характер. Суть спекуляций Нагеля состоит в следующем: в системе «сознание-мозг» философ выделяет микроуровень и макроуровень. На макроуровне отношения между

сознанием и мозгом кажутся случайными, необходимость их связи Нагель пытается обосновать путем обращения к микроуровню. Согласно гипотезе Нагеля, которую он высказывает не без осторожности, на микроуровне система «сознание-мозг» состоит из неких базовых элементов, которые философ называет субментальными (submental) подчастями. При этом философ подчеркивает, что само понятие этих субментальных подчастей есть теоретический конструкт, продукт спекулятивных рассуждений, а не эмпирических наблюдений. Природу этих базовых элементов и способ их возникновения Нагель описывает с помощью двух равновероятных альтернатив. «Возможно, — пишет философ, — они эмерджентны, и имеют отношение к свойствам атомов и молекул. Если это так, такой взгляд предполагал бы, что то, что возникает, суть состояния, которые сами по себе с необходимостью являются как физическими, так и ментальными... С другой стороны, если они не являются эмерджентными, такой взгляд подразумевал бы, что фундаментальные элементы мира, из которых все состоит, не являются ни физическими, ни ментальными, а чем-то более базисным»¹⁶.

Ограничившись столь общими рассуждениями, Нагель напоминает, что построение новой теории сознания не будет иметь успеха до тех пор, пока философы продолжают придерживаться консервативных подходов. Однако самого Нагеля едва ли можно назвать смелым новатором. Д.И. Дубровский оценивает его проект теории сознания следующим образом. «Предлагаемый проект, — пишет он, — правда, носит весьма общий характер, не выходит за рамки традиций аналитической философии в ее многолетнем опыте обсуждения этой проблемы. Несмотря на резко критическое отношение к редукционизму, некоторые ходы мысли автора, как ни странно, несут на себе печать зависимости от парадигмы физикализма»¹⁷.

Консервативность Нагеля проявляется еще и в том, что он редко апеллирует к реальным научным экспериментам, а рассматривает психофизическую проблему преимущественно в концептуальном ключе. Актуальна оценка, данная в свое время Нагелю Д. Деннетом. «Интерес Нагеля к сознанию, — пишет Деннет, — всегда стимулировался скорее его интересом к роли сознания в этике, чем увлеченностью нейронаукой. Он является “моральным психологом”, а не “когнитивным ученым”»¹⁸. На мой взгляд, роль Нагеля в философии сознания в чем-то аналогична роли Сократа в древнегреческой философии: он без труда выявляет противоречия в широко признанных теориях, задает вопросы, провоцирующие «брожение умов» и приводит в движение философскую общественность, побуждая ее объединить усилия для совместного решения психофизической проблемы и разработки новой теории сознания.

Австралийский философ Дэвид Чалмерс так же, как и его коллега Нагель, потратил немало сил на критику редуктивных теорий¹⁹. В научной литературе Чалмерс чаще всего упоминается в связи с проведенным им разделением проблем сознания на «легкие» и «трудную». К «легким» Чалмерс отнес те проблемы, которые беспрепятственно решаются с помощью методов, используемых в когнитивной науке

и нейронауке, а «трудной» счел ту, к которой указанные методы неприменимы. Решение «трудной проблемы», как ее понимает Чалмерс, должно представлять собой ответ на вопрос, почему физические процессы в мозге сопровождаются сознательным опытом, а не проходят «во тьме».

Нередки восторженные оценки, акцентирующие новизну такого разделения и подчеркивающие значимость Чалмерса как первооткрывателя «трудной» проблемы. Однако не всегда в должной мере учитывается то, что сам Чалмерс говорит о своем «открытии». По словам философа, он не высказал чего-то сверхоригинального, а просто озвучил идею, витавшую в воздухе. Чалмерс готов признать, что введенная им дихотомия представляет собой некое упрощение и схематизацию. Ведь если тщательно проанализировать так называемые легкие проблемы, то многие из них окажутся отнюдь не столь легко разрешимыми на нынешнем уровне развития научных знаний. Трудная же проблема, хоть и трудна, но все-таки будет решена в будущем, пусть и далеко.

Исходя из предложенной Чалмерсом классификации проблем на «легкие» и «трудную», некоторые философы заподозрили в Чалмерсе человека, который недооценивает потенциал нейронауки в распутывании клубка проблем, связанных с природой сознания. Однако их подозрительность необоснованна. Говоря о роли, которую нейронаука призвана сыграть в построении теории сознания, Чалмерс отмечает: «Даже если нейронаука и не может решить все проблемы сознания самостоятельно, ей, бесспорно, придется играть в этом ведущую роль»²⁰.

Чалмерс высоко оценивает проект по поиску нейрокоррелятов сознания — минимальных нейронных систем в мозге, активация которых непосредственно соотносится с тем или иным состоянием сознания. Он считает, что цели данного проекта четко определены и их достижение возможно уже в обозримом будущем. По словам Чалмерса, «это исследование создает соответствующую базу для того, чтобы развивать науку о сознании, и создать важный плацдарм в поисках общей теории отношения между физическими процессами и сознательным опытом»²¹.

Впрочем, Чалмерс понимает, что даже при успешной реализации проекта по поиску нейрокоррелятов, ученые-нейрофизиологи вряд ли смогут ответить на вопрос, почему те или иные состояния мозга должны сопровождаться определенным сознательным опытом. И здесь им не обойтись без помощи философов. Как заявляет Чалмерс, «философия и нейронаука могут объединиться для того, чтобы помочь прояснить некоторые из серьезных проблем, связанных с изучением сознания»²². И сам Чалмерс подкрепляет свои слова делами. Так, в 2009 г. Чалмерс сотрудничает с группой неврологов и нейробиологов в поисках ответов на вопрос о том, как распознать сознание у пациентов, у которых диагностировано вегетативное состояние.

Однако, будучи прежде всего философом, Чалмерс сосредоточен на концептуальном осмыслении философских проблем сознания. В своем главном труде «Сознающий ум: в поисках фундаментальной

теории»²³ Чалмерс разрабатывает проект возможного решения проблемы «сознание-тело» с позиций «натуралистического дуализма». Подобно Нагелю, философ подчеркивает, что понятие сознания должно занять столь же почетное место в нашей картине мира, как и базовые понятия физики (время, пространство, материя и т.п.). Будущая наука о сознании призвана раскрыть механизмы корреляции сознания и мозга, исходя из постижения истинных психофизических законов. «Как и фундаментальные законы физики, — утверждает философ, — психофизические законы являются вечными, существуя от начала времен»²⁴. В «Сознающем уме» Чалмерс попытался выдвинуть прототип такого фундаментального психофизического закона — двухаспектную теорию информации. В соответствии с этим принципом, информация может быть воплощена как в физическом пространстве, так и в феноменальном, и между ними существует непосредственный изоморфизм. «Всякий раз, — утверждает философ, — когда мы находим информационное пространство, реализованное феноменально, мы находим то же самое информационное пространство, реализованное физически»²⁵. Из этого принципа вытекает следующее «неудобное» следствие: если возникновение сознания связано с обработкой информации, то любая система, которая эту обработку осуществляет, сознательна. А значит, даже электрон или карманный калькулятор могут оказаться обладателями протосознания. Такое экстравагантное следствие, связанное с допущением панпсихизма, действительно трудно принять. Чалмерс и не рассчитывал на широкое признание этой теории коллегами, да и сам он оценил свою попытку разработать двухаспектную теорию информации как не слишком удачную, хотя и не бесполезную.

Другим принципом, который Чалмерс включает в свой проект нередуктивной теории сознания, является принцип организационной инвариантности. Согласно ему, два существа, имеющих одинаковую функциональную организацию, будут иметь и одинаковый сознательный опыт. Под функциональной организацией философ подразумевает «абстрактную схему каузальных взаимодействий между различными частями системы и, возможно, между этими частями и внешними данными на входе и данными на выходе»²⁶. В соответствии с нередуктивным функционализмом Чалмерса, сознание представляет собой самостоятельный нефизический компонент мира, хотя и несводимый к функциональной архитектонике мозга, но, тем не менее, непосредственно скоррелированный с ней. Вывод, к которому приходит философ, едва ли можно назвать очевидным: биохимическое строение мозга не играет роли в возникновении сознательного опыта, и если воспроизвести функциональную организацию мозга в кремниевых чипах или в любом другом подходящем материале, то в нашем мире сознание возникнет у такой системы с необходимостью.

Недостаточно последователен Чалмерс и в решении проблемы ментальной каузальности. Он считает правдоподобными целых три варианта ее решения: эпифеноменализм, интеракционизм и панпротопсихизм. Однако теперь эпифеноменализм, в соответствии с которым сознание каузально неэффективно, стал казаться австралийскому

философу наименее привлекательным из этих трех альтернатив. В предисловии к сборнику статей «Характер сознания», сравнивая свое нынешнее отношение к эпифеноменализму с отношением времен написания «Сознающего ума», Чалмерс заявляет: «Я в какой-то степени меньше симпатизирую эпифеноменализму, чем тогда»²⁷. Отношение же к интеракционизму, напротив, стало более толерантным, и в настоящее время Чалмерс считает выпады против интеракционизма чересчур поспешными и не находит убедительной причины для того, чтобы отвергать эту позицию. Впрочем, речь у Чалмерса идет в первую очередь о тех вариантах интеракционизма, которые апеллируют к квантовой механике. Что же касается панпротопсихизма, то он и был, и продолжает оставаться весьма симпатичным Чалмерсу. Философ считает небезосновательным, что разработка именно этой концепции может в будущем привести нас к разгадке проблемы ментальной каузальности и проблемы «сознание-тело». Панпротопсихизм, называемый Чалмерсом нетипичной формой физикализма и вряд ли приемлемый для типичных физикалистов, представляет собой модифицированную версию нейтрального монизма Б. Рассела. Согласно этой позиции, реальности на ее микрофизическом уровне присущи так называемые протофеноменальные свойства, которые ответственны за конституирование как физической сферы, так и сферы феноменальной. Но пока совершенно непонятно, каким именно образом сочетание недоступных для восприятия протофеноменальных свойств порождает феноменальное сознание, и на этот каверзный вопрос еще предстоит найти ответ.

Давая общую оценку собственным взглядам, Чалмерс отмечает, что он пока не сказал последнего слова по проблеме «сознание-тело» и еще надеется внести посильный вклад в развитие будущей фундаментальной теории сознания. В одном из своих интервью²⁸ он высказывает предположение о том, что науке о сознании придется пережить одну или даже несколько научных революций, прежде чем такая теория сознания будет окончательно сформирована. Неслучайно Чалмерс призывает коллег не бояться выдвигать нетривиальные и смелые гипотезы, которые могут показаться их современникам контринтуитивными и даже немного безумными. Ведь не исключено, что именно одна из таких гипотез станет прототипом будущей научной теории сознания.

В заключение хотелось бы подвести краткие итоги. Рассмотренные мной философы-антиредукционисты наделяют свои рассуждения о природе сознания и о его связи с мозгом статусами «гипотез», «проектов», «форм теорий» и не вполне способны наполнить эти формы конкретным содержанием. Макгинн, как было сказано, убежден, что связь между сознанием и мозгом останется для нас навсегда непостижимой, а Чалмерс и Нагель откладывают построение подлинной научной теории сознания на будущее и верят в грядущие научные и концептуальные революции.

Если описывать тенденции, проявившиеся в последнее время в философствовании трех видных сторонников антриредукционизма, то все они почувствовали себя стесненно в рамках системы «сознание-

мозг». И, стремясь решить психофизическую проблему, эти философы теперь обращаются не к ее частным проявлениям, а к глобальному уровню, ко всей широте реальности, причем пытаются мыслить не только шире, но и глубже. Их влечет к глубинным структурам реальности, к некоему загадочному микроуровню, о котором пока невозможно сказать ничего определенного.

Онтологические предпочтения рассмотренных философов близки друг другу и связаны с монизмом. Даже «натуралистический дуалист» Чалмерс не скрывает своих симпатий по отношению к неорасселовскому монизму, который он называет нетипичной версией физикализма. В самом деле, несмотря на критику физикализма, проанализированные мной авторы во многом — пусть и на бессознательном уровне — зависимы от физикалистской парадигмы. Но в отличие от традиционных физикалистов, Нагель, Макгинн и Чалмерс действительно принимают сознание всерьез. Достижения так называемых квалиафилов очевидны: в настоящее время субъективность сознания все чаще стала приниматься в расчет не только в философии, но и в нейронауке. Кроме того, «квалиафилы», пусть и не решают психофизическую проблему, но они ее проясняют, что само по себе немаловажно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эту проблему принято обозначать как «mind-body problem», т.е. как проблему «сознание-тело». Частной версией этой проблемы является «mind-brain problem», т.е. проблема «сознание-мозг». Однако многие западные авторы, употребляя более распространенное словосочетание «mind-body problem», описывают посредством его проблему «сознание-мозг».

² Nagel T. Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False. — N. Y., 2012. — P. 15.

³ Flanagan O. The Science of the Mind, Second Edition. — Cambridge (MA), 1991. — P. 313.

⁴ Flanagan O. The Really Hard Problem: Meaning in a Material World. — Cambridge (MA), 2007. — P. 228.

⁵ McGinn C. Can We Solve the Mind-Body Problem? // Mind. 1989. Vol. 98. — P. 349 — 366.

⁶ McGinn C. What Constitutes the Mind-Body Problem? // Philosophical Issues. 2003. Vol. 13 (1). — P. 160.

⁷ McGinn C. Consciousness and its Objects. — N. Y., 2004. — P. 1.

⁸ Rowlands M. Mysterianism // The Blackwell Companion to Consciousness / ed. by M. Velmans and S. Schneider. — Malden (MA) et al., 2007. — P. 337.

⁹ Dennett D.C. The Brain and its Boundaries. Review of McGinn. The Problem of Consciousness // The Times Literary Supplement. 1991. May 10. — P. 10.

¹⁰ McGinn C. Basic Structures of Reality: Essays in Meta-Physics. — N. Y., 2011.

¹¹ Ibid. — P. 180.

¹² Nagel T. Mind and Cosmos...

¹³ Ibid. — P. 3.

¹⁴ Nagel T. The Psychophysical Nexus // Nagel T. Concealment and Exposure And Other Essays. — N. Y., 2002. — P. 194 — 235.

¹⁵ Эта критика направлена, прежде всего, в адрес Чалмерса, одного из защитников мыслимости зомби и сторонников нередуктивного функционализма с его тезисом о множественной реализуемости ментального. Впрочем, несмотря на критику отдельных положений теории Чалмерса, Нагель готов согласиться со многими идеями своего коллеги.

¹⁶ Nagel T. The Psychophysical Nexus. – P. 231.

¹⁷ Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10. – С. 94.

¹⁸ Dennett D.C. Review on Thomas Nagel, *Other Minds: Critical Essays*, 1969. – 1994 // *Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 93. № 8. – P. 425.

¹⁹ См.: Гарнцева Н.М. Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании // Вопросы философии. 2009. № 5. – С. 93 – 105.

²⁰ Chalmers D.J. What Is a Neural Correlate of Consciousness? // Chalmers D.J. *The Character of Consciousness*. – N. Y., 2010. – P. 59.

²¹ Ibid. – P. 90.

²² Chalmers D.J. On the Search for the Neural Correlate of Consciousness // Chalmers D.J. *The Character of Consciousness*. – N. Y., 2010. – P. 100.

²³ Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. – N. Y.; Oxford, 1996.

²⁴ Ibid. – P. 171.

²⁵ Ibid. – P. 284.

²⁶ Ibid. – P. 247.

²⁷ Chalmers D.J. *The Character of Consciousness*. – N. Y., 2010. – P. XIII.

²⁸ См.: Chalmers D.J. (Interview) // Chalmers D.J., Dennett D.C., Hofstadter D. and others. *Mind and Consciousness: Five Questions* / ed. by P. Grim. – Copenhagen, 2009. – P. 11 – 24.

Аннотация

В статье анализируются нередуктивные подходы к психофизической проблеме, разработанные тремя влиятельными представителями философии сознания – К. Макгинном, Т. Нагелем и Д. Чалмерсом. Автор старается отразить последние тенденции в их философствовании, вскрыть базовые онтологические установки, точки соприкосновения философов друг с другом, оценить их подходы к психофизической проблеме и выявить теоретические трудности, связанные с этими подходами.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, сознание, нередуктивные подходы, новое мистерианство.

Summary

This article analyses nonreductive approaches to the mind-body problem by three most influential philosophers of mind, Colin McGinn, Thomas Nagel, and David Chalmers. The author tries to trace the most recent trends in their philosophy, to reveal their fundamental ontological assumptions, interconnections, judge the approaches to the mind-body problem and uncover theoretical difficulties, related to their theories.

Keywords: philosophy of mind, mind-body problem, consciousness, nonreductive approaches, new mysterianism.